

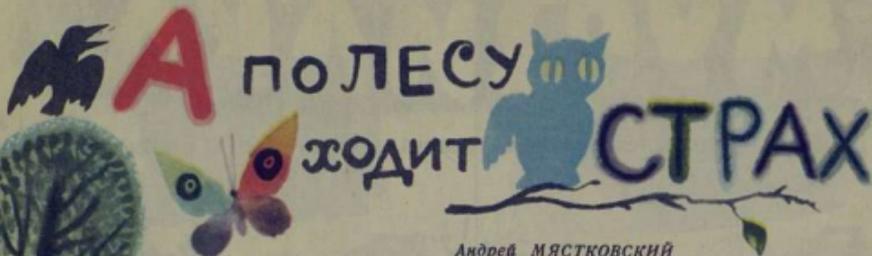
МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ЦИ ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

№ 6
ИЮНЬ
1970

Рис. Н. ЧАРУШНИНА

А по лесу ходит СТРАХ

Андрей МЯСТКОВСКИЙ

А по лесу ходит страх...
Ах!
Страх!
Тарах!..
Кто-то топчется в кустах,
Кто-то прячется в ярах.
Страх!
Может, там медведи ходят?
Может, волки колобродят?
Ветер топчется в кустах...
То ли ветер, то ли страх?
Только белка-озорница
Почему-то не боится:

— Где он, страх-то? —
Вот дубок,
Вот осина,
Вот грибок,
Вот синица,
Вон лисица
Прыгает через пенёк.
Где он, страх-то?
Страха нету!
Просто это ветка где-то
Тихо хрустнула в кустах.

Вот и весь, ребята, страх!

Перевела с украинского
И. ПИВОВАРОВА

ГУСАК и ГУСЯТА

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Два гусёнка подошли к гусаку
И сказали гусаку-вожаку:
— В дальнем поле
Горох стал хорош.
Почему нас туда не сведёшь?

Посмотрел на них старый гусак,
И ответил гусятам он так:
— Потому вас туда не веду,
Что попасть не хочу там в беду.

Там гуляет воровка лиса,
Быстрый коршун кружит в небесах.
А ещё там,
Проворен и строг,
Охраняет Тимошка горох.

ГЕРОИЧЕСКАЯ АЗБУКА

Рис. Д. ГРОМАНА

БАЛКАРЕЦ

— К полёту готов!

Через несколько минут истребитель Алима Байсултанова в воздухе. В тот день лётчик уже сделал три боевых вылета. Три вылета — три сражения. Тут бы отдохнуть, но шли бои под Ленинградом. Нельзя устать. Враг рвётся в город, обещает сровнять его с землёй.

Боевую задачу Байсултанову поставил сам генерал. И какую задачу!

Появиться перед сумерками над вражеским аэродромом и сфотографировать стоянки самолётов.

Вот он, аэродром. И вот уже зенитки поводят длинными хищными хоботами. Но что это? Краснозвёздный истребитель, дружески помахивая крыльями, заходит на посадку. Заблудился, чудак!

«Ястребок» сделал круг, выпустил шасси, прицелился на полосу, но перелетел посадочные знаки. «Какой неопытный лётчик! — удивлялись немцы. — Видно, совсем плохи дела у русских!»

Немцы смеялись, и Алим Байсултанов тоже: правые стоянки были сфотографированы с малой высоты.

Немцы пускали ракеты, приглашая советский истребитель на второй круг.

Пожалуйста! Вот и левые стоянки засняты. А теперь пулемётная очередь на память — и прощайте покуда! Ждите советских бомбовозов!

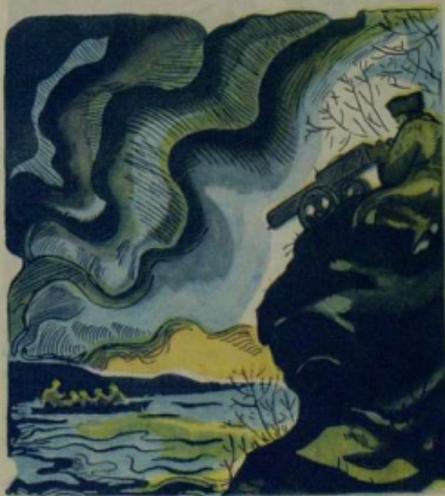
БАШКИР

Башкирская кавалерийская дивизия получила приказ форсировать Днепр. Самому стойкому эскадрону, самым боевым ребятам поручил комдив переправиться ночью за реку, разорвать оборону врага и захватить плацдарм. Приказ комдива был выполнен. Эскадрон выбил немцев из окопов и вёл бой, углубляясь в тыл врага.

Тогда немцы пошли на хитрость. Они посадили своих солдат в лодки и решили напасть на наших с реки, там, где нападения не ждали.

Шёл ночной бой за Днепром, а на реке было спокойно. Пулемётчик Искандер Даутов, оставленный охранять берег, горевал: уж больно лёгкое задание выпало на его долю.

Вдруг плеснуло. Пулемётчик зажгёт фонарик и увидит, что к берегу крадутся лодки.

Искандер Даутов открыл огонь. Немцы падали на дно лодок, и течение потащило их по реке, но с других лодок ударили пулемёты и автоматы.

Один против многих. Это был славный, но последний бой пулемётчика Искандера Даутова. Израненный, умирающий солдат вёл огонь до тех пор, пока не пришло подкрепление.

БЕЛОРУС

Есть в Белоруссии деревня Цуба. Названа она так в честь двух братьев — Ивана Самойловича и Михаила Самойловича, а фамилия у них была Цуба.

В 1943 году фашисты решили уничтожить белорусских партизан. Карательные отряды жгли сёла, убивали мирных людей. Нагрянули они и в деревню Новина. Иван Самойлович успел со скотом уйти из деревни, но каратели нагнали его и вернули.

В деревне шла расправа. Каратели избивали Михаила Самойловича, требовали, чтобы он показал дорогу к партизанам. Его били, а он молчал.

— Я покажу вам, где партизаны! — сказал Иван Самойлович, спасая от побоев брата и односельчан.

И повёл старый белорусский крестьянин ка-

рателей в лес. Долгая и тяжёлая была эта дорога. Вслед за Цубой шли каратели через леса, через болота. Давно уже оборвалась тропа, брели по колено в воде, прыгали с кочки на кочку — и вот она, коварная речка Лань, место гиблое и непроходимое.

Немцы спохватились, но было поздно. Грянул выстрел, проводник упал... Немцы повернули назад, но всюду их ждала тряси́на. Никто не вышел из болот.

БУРЯТ

Слышал ли ты про сибирские полки? Сибирские полки отогнали немцев от Москвы. Одолеть сибиряка невозможно. Сибиряку никакие трудности не страшны. К морозам привычен, к далёкой пешей дороге тоже — не столько по тайге хаживал; стреляет сибиряк без промаха — соболя в глаз бьёт.

Охотник Семён Иванович Батагаев на войне стал миномётчиком. От Москвы до Германии дошёл. В январе 1945 года сражался Семён Иванович в Восточной Пруссии. Однажды случился тяжёлый бой. Стреляли немцы по нашим наступающим войскам из пушек и пулемётов — головы не поднять. Только ведь и наши бойцы стрелять умели. Навёл свой миномёт Семён Иванович на пулемётное гнездо, выстрелил: замолчал пулемёт. Выстрелил второй раз — второго пулемёта как не бывало! Накрул Батагаев и третий вражеский пулемёт, пушку подбил. Не выдержали немцы огня, бросились в контратаку, а миномётчики не дрогнули. Потерял противник двадцать солдат и бежал.

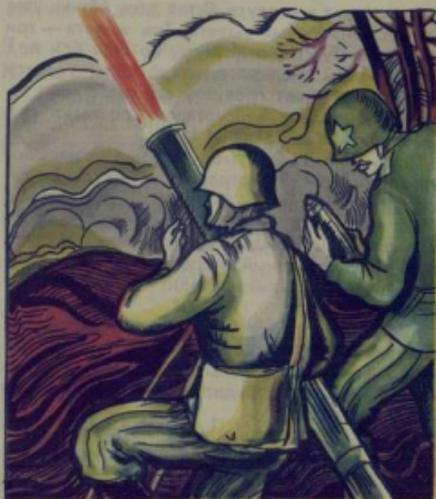

Рис. П. БАГИНА

В чуме

Ехали мы долго. Я устал и совсем замёрз.

— Может, переночуем у стариков? — спросил Тыргауль на одной из остановок.

— Хорошо бы, — сказал я, еле двигая губами. Кожа на моём лице совсем задубела от холода.

Тыргауль завернул упряжку, и скоро я услышал лай собак и почувствовал дым костров. А ещё через некоторое время из-за деревьев показались чумы.

Чум похож на фунтик из бумаги, поставленный остриём вверх. Из острия торчит железная труба, а из трубы летят искры. Это в чуме топят железную печку. Деревья вокруг чумов были освещены красноватым светом.

И, только подъехав поближе, я увидел, что нас ждут. Мы были ещё далеко, но собаки предупредили: едут гости.

Барбоску тут же привязали к дереву.

— Оленя будет гонять, — сказал человек, лица которого в темноте я не мог разглядеть. — Хорошая у тебя собака.

Наших оленей распрягли — пусть пасутся.

У оленя нюх, как у хорошей собаки. Он нюхает снег и уже знает, есть ли здесь корм или нет. Если есть — разроет снег копытом, иногда весь влезет в яму и поест прошлогодней травы и ягеля. Это не то что лошадь.

— А как же найдут наших оленей? — спросил я Тыргауля. — Ведь здесь их сотни.

— Оленевод своих оленей в лицо знает, — сказал Тыргауль.

Я открыл полость чума и проскочил внутрь.

Чум сделан из жердей, покрытых снаружи ровдугой — оленьей замшей. Посреди чума стоит печка, над печкой палки буквой «П». На них сушат одежду.

На маленьком ящике стояла керосиновая лампа, освещающая сбоку лица старика и старухи. Они сидели по-эвенкийски — ноги крест-накрест.

Мы поздоровались. Нас посадили против входа, на шкуры. Это почётное место — для гостей. Мы тоже сели по-эвенкийски.

Старуха показала рукой на мои бакари. Я их снял. Она внимательно осмотрела подошвы и нашла дырку. Достала иголку, вдела в иголку тонкую оленью жилку и стала зашивать. Все молчали.

Потом старуха проверила бакари Тыргауля и повесила их сушиться рядом с моими.

— Может, чаю попьёте? — наконец произнесла старуха свои первые слова и кинула нам меховые чулки.

— Попьём, — сказали мы.

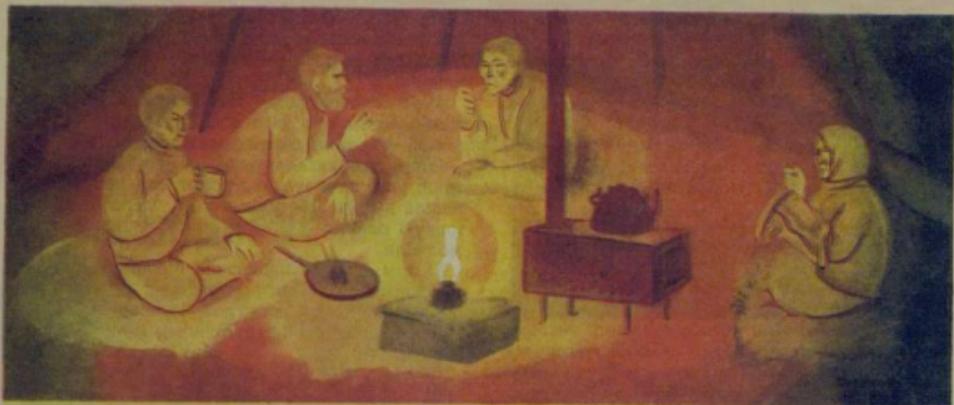
На печке стояли две сковородки, в них жарилось мясо.

Старуха вытащила столик с ножками, высотой с охотничий патрон, и поставила перед нами. Потом молча поставила на него обе сковородки.

Мы наелись до отвала, выпили по две большие кружки чая, и только после этого старик спросил, кто я такой, как меня зовут, есть ли у меня отец и мать, как зовут отца и мать, сколько мне лет, сколько лет отцу, сколько лет матери, как зовут мою собаку, как зовут мою дочь и сколько ей лет.

Из соседних чумов пришли другие оленеводы и также расспросили меня, кто я такой. Потом рассказали о себе.

У эвенков считается невежливым просто поздороваться с незнакомым человеком. Нужно обязательно остановиться, поговорить, рассказать о себе.

Все мы сидели вокруг печки, курили и улыбались друг другу.

Потом я залез в свой спальный мешок и заснул. И уже сквозь сон чувствовал, как старуха накрывает меня сверху шкурой. Всё-таки в чуме холодно.

К северным народам всегда приезжаешь, как в родной дом. Если бы люди там ругались, злились, лгали и не выручали друг друга, они бы давно погибли. Такая там суровая природа.

Когда мы на другой день уезжали, нас накормили досыта, дали с собой еды на дорогу и запрягли оленей.

У меня в рюкзаке была трубка в виде орлиной лапы, держащей чашу, и я подарил её старику.

Когда мы отъехали, я оглянулся. Оленеводы рассматривали трубку и качали головами. Такой они ещё никогда не видели.

Ехали мы весь день, наступил вечер. Я уже думал, что мы заблудились. Конечно, никаких ручьёв я не видел. Но вот в стороне показалась маленькая избушка. Мы распрягли оленей и вошли внутрь.

Тыргауль зажёл спичку, нашёл керосиновую лампу, поболтал ею над ухом, зажёл.

Зимовье было бревенчатым, с маленьким окошком. У стен справа и слева стояли нары, накрытые шкурами. Посреди — маленький столик. Печка железная, труба выходит через дырявое ведро: это чтобы не загорелась деревянная крыша.

На потолке — там их мыши не

достанут — висели мешочки с сухарями, крупой, сушёным мясом. На полках над нарами — коробки с порохом и дробью. На столе — пачка махорки и спички. В углу сухие дрова, топор, кастрюли, ведро, чайник.

Мы растопили печку, вскипятили чай. А утром Тыргауль уехал.

Вдвоём в зимовье

Конечно, ни один охотник не держит собаку в тепле, иначе она потом мёрзнет на улице. А я не считал себя охотником, и поэтому Барбоска жил в зимовье и спал под нарами. Я не собирался никого убивать, и пёс-охотник мне был не нужен. Если заметит зверя раньше меня и предупредит — вот и спасибо.

По утрам мы уходили в тайгу, вечерами заполняли полевые дневники, слушали по транзистору, что творится в мире. И подолгу беседовали на разные темы. Конечно, Барбоска не мог понять всего, о чём я говорил ему. Но ведь и я не понимал всего, что говорил мне мой пёс. Это не мешало нам жить в мире и согласии. А как же иначе!

Однажды, когда выла пурга, и лиственничные стоны на все голоса, и я вспомнил свой дом и свою дочь, и мне сделалось очень одиноко, я оделся и выскок из зимовья. Барбоска рванулся за мной, но я его не пустил. Отошёл в сторону и долго глядел на светящийся квадрат окна, мимо которого нёсся снежный поток, на стволы, обозначенные светом, и думал: «Вот моё окно, и меня ждуть».

Потом бодрой походкой подошёл к двери, дёрнул за реме-

шок, прибитый вместо ручки, и в самом деле, меня ждал Барбоска и с радостным визгом кинулся навстречу.

Мы жили хорошо.

Сохатый

Каждое утро мы отправлялись в тайгу. Я искал следы дикого оленя, но всё напрасно. Неужели стада прошли в другом месте? Тогда вся моя работа пойдёт насмарку. Хоть бы один след!

А тут ещё я обнаружил, что наши съестные припасы подходят к концу. Чего доброго, придётся выбираться на факторию, не кончив дела.

Это утро было такое, как все. Было тихо и солнечно. Неподвижно стояли голубые лиственницы, намёрзшие на розовое небо как узоры. И в воздухе блестели искры замёрзшего тумана.

После завтрака я встал на лыжи, чтобы поглядеть следы. Барбоскин хвост мелькал впереди, в частом тальнике. Но вдруг пёс остановился, глянул на меня: «Смотри, что нашёл!»

Я подошёл ближе и увидел свежий след сохатого. След был нечист. Зверь сбился с бега и чертил снег ногами. А ведь сохатый никогда не волочит ноги.

Я пошёл по следу. Здесь сохатый надавил грудью на тонкую берёзку, пропустил её между передних ног и объел верхинку, здесь хватил снега, потом лёг отдохнуть. Снег был в крови. Значит, он ранен! Потом он пошёл к оврагу и, наверное, двинулся вверх по ручью. Но овраг делает петлю, и зверя можно встретить в лоб, если успеешь. Я побегал вперёд. Даже мои широкие лыжи проваливались, так рыхл был снег. И когда я добежал до оврага,

моя спина взмокла. Я съехал вниз, упал, поднялся. Где же сохатый? Снег был чист как бумага.

«Пошёл другим путём», — подумал я и хотел было уже закурить, но тут услышал впереди какую-то возню и потягивание.

«С кем это занимается мой Барбоска? — подумал я. — Наверное, поймал мышь».

Конечно, настоящий охотник проучил бы свою собаку, если б она ловила мышей. Промысловая собака не должна обращать внимание на тех животных, которые охотнику не нужны. А я ничего не имел против того, чтобы Барбоска развлекался с мышами. Пусть, если ему так нравится.

Я пошёл к собаке и через сотню шагов увидел след сохатого и Барбоску. Пёс не лаял, а шёл к нему навстречу, раскланивался и как бы

улыбался. Потом упал на спину и стал кувыркаться, поблескивая глазами с залепленной снегом морды. Поднялось облако снежной пыли, он чихнул, отряхнулся и рухнул на спину, задрал лапы вверх.

Сохатый наклонил голову и глядел, не понимая, что здесь такое происходит. Наконец ему надоела эта возня, и он, выставив рога, пошёл на Барбоску. Весь вид его говорил: «Не до тебя, отстань!»

Барбоска отскочил в сторону и продолжал свои фокусы. Сохатый начал злиться по-настоящему.

Я вскинул ружьё и прицелился.

Кто хозяин?

Я подошёл к убитому зверю и никак не мог надивиться хитроумию собаки. Ведь другой пёс стал бы лаять, сохатый бы побежал, а пёс бы сдуру и радовался, что от него такая громадина убегает, и звенел бы на всю тайгу. Зверь, даже раненный, ушёл бы неизвестно куда. Потом иди за ним два дня без отдыха. А Барбоска поступил правильно.

Я смахнул с поваленного дерева снег, сел и закурил. Стал дожидаться того, кто ранил сохатого. Охотник должен идти по следу.

Папирса ещё не кончилась, как в чаще послышался лай собак и через некоторое время появился Тыргауль. Он был на широких лыжах, подбитых камусом — коротким жёстким мехом, снятым с ног оленя. Такие лыжи скользят только вперёд, а назад никак: мех топорщится и тормозит их. Тыргауль поздоро-

вался, сел, закурил, о чём-то задумался. Наконец спросил:

— Ты выстрелил?

— Я.

— Плохо.

— Почему плохо? Он же был ранен.

— Я его гнал к чуму. Мой чум вверху ручья, убить хотел около чума. Теперь мясо далеко таскать.

Я только руками развёл. Неужели он знал, куда побежит раненый зверь? Вот это охотник!

Собаки уже понюхались-поздоровались и лежали у наших ног. Но когда мы подошли к туше, Барбоска поднял на загривке шерсть и зарычал на Тыргауля. А его собаки зарычали на меня. Они считали, что добыча принадлежит им и их хозяину.

— Ругается, однако! — засмеялся Тыргауль.

И в этот момент Барбоска хватанул его за штаны. Собаки Тыргауля кинулись на Барбоску. Завязалась драка. В этой заварушке нельзя было понять, кто против кого: даже собаки Тыргауля — друзья — ухитрились покусать друг друга.

Я пинками навёл порядок и привязал Барбоску к дереву. Он задыхался от злости, вставал на задние лапы, хрипел, кидался вперёд, но верёвка опрокидывала его на спину.

Я подошёл, чтобы помочь Тыргаулю, но теперь его собаки кинулись на меня. Не хотели, чтобы я помогал. Пришлось и ему привязать своих собак.

Пока мы снимали шкуру, разнимали тушу на части, собаки охрипли от злости.

Мы обрубали ветки у четырёх лиственных и сделали на них настил из брёвен. Такое сооружение называется лабазом.

Куски мяса сложили наверху, накрыли сверху шкурой, сели отдохнуть.

— Приходи, бери, сколько надо, — сказал Тыргауль.

Мы посидели, поели сырой печени, покурили, отвязали собак и разошлись. Я бросил Барбоске кусок мяса. Он бежал рядом, постоянно оглядывался и рычал. Никак не мог успокоиться.

Добрались до зимовья, когда совсем стемнело.

Я засветил лампу, растопил печку, вскипятил чайник, нарезал смёрзшегося мяса, сел за стол и услышал чавканье.

Оказывается, Барбоска притащил в зимовье свой кусок мяса, чтобы поужинать вместе со мной. А я в темноте и не заметил, что он так и бежал, с куском в зубах.

Окончание следует

Григор ВИТЕЗ

МЛАДШИЙ БРАТ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Хмур, как туча,
Младший брат.
В этой туче —
Гром и град.
Надвигается
Гроза,
Наливаются
Глаза.
Скоро дождь пойдёт на нас
Из его сердитых глаз!
— Дайте шляпку! —
Все кричат.
Носом хлопнул
Младший брат.
Если волю даст слезам,
Утонуть он может сам!

Перевела
с сербскохорватского
И. ТОКМАКОВА

ЗЕЛЁНЫЙ ПОПУГАЙ

Рис. Н. УСТИНОВА

В город, в город! Поедем в город!

Радость-то, радость какая! Оказываются, есть в городе птичий базар и на этом базаре продаются птички. Самые удивительные — такие, что и не расскажешь. Со всех краёв там птички продаются. Они не просто поют или щебечут, а делают это артистично, ловко, непревзойдённо. И не какие-нибудь они серенькие, а такие разукрашенные, что не наглядеться. Хвост зелёный, а грудка уже голубая или жёлтая — ну как тут оторвёшь глаза, как не залюбуешься?

Вот только интересно, зачем их продают? И зачем покупают? Летала себе птичка, а её взяли и поймали и на базар привезли. Ну откуда продавцы знают, сколько за такую птичку просить? За эту птичку, скажем, рубль, а за другую уже два или три. Выходит, люди устанавливают цены на птичек, как и на всё остальное, не сами же птички! Да и как же птички могут себе цену знать?

Легко ли ночью уснуть, когда только и думаешь про птичек, и не про каких-то кур или уток, которых на селе полно, а про птичек, каких никогда и видеть не доводилось. Только задремал, а они тут как тут, с базара, необыкновенные, невиданные, разукрашенные, яркие, налетели, на плечи садятся. Попробовал поймать их, а их как не было. Кажется,

схватил пальцами за хвост, а в руках ничего нет.

И так всю ночь дивными птичками налетают сны, пропадают и снова являются. Вот и ночь пролетела быстрой птицей.

Добрый дядя Василь только улыбается на мои вопросы:

— Приедешь — сам увидишь.

А любопытство всё разгорается. Скорей бы увидеть!

Добрый дядя Василь давно обещает мне купить зелёного попугая. А ещё какие бывают попугаи? Оранжевые, жёлтые. А ещё? Пусть будет хоть какой!

Дядя Василь в детстве тоже мечтал о зелёном попугае. Который насвистывал бы в клетке удалую песню «Эх, солдатушки, бравы ребятушки». Всю жизнь мечтал о таком, но попугая так и не завёл. Жизнь такова была, что и не до попугаев. То одна война, то другая, а потом долгая служба в Средней Азии, где-то в песках. Не до зелёных попугаев...

Вот он и решил мне купить.

Ласковый, мечтательный дядин взгляд устремляется вдаль.

— Ты его петь научишь.

— «Эх, солдатушки, бравы ребятушки»?

Дяде хотелось сказать: «Да, именно этой песне», — но он, поразмыслив, говорит другое:

- Какой-нибудь пионерской...
- А будить меня по утрам он может?
- Только научи! Но смотри: не слушаешься — засмеёт.
- Неужели попугай смеётся?
- А как же? Получше людей...

Я сам давно уж знаю, чему научу моего зелёного попугая. При чём тут разные застарелые дядины выдумки? Во-первых, он, конечно, будет говорить «здравствуйте!». Придёт кто-нибудь ко мне домой. Никого нет, а попугай приветствует! Гость, естественно, удивляется. Но ещё как он удивится, когда услышит, уходя, «до свидания!».

Но главное — научить попугая говорить: «Зинько — второгодник».

Приходит Зинько, а попугай ему из клетки:

- Здравствуйте!
- Здравствуй, здравствуй, — обалдело ответит тот.

А попугай ему зловредно:

- Зинько — второгодник!
- Чтоб сдохла у тебя эта птица! — скажет мой лучший друг.

Нет, зачем учить зелёного попугая таким глупостям, поссорюсь с Зиньком, а дружить с кем буду?

А если и вправду научить его петь? Я ещё сплю, а он проснулся и давай насвистывать: «Мы с тобою не дружили, не встречались по весне». Такая задушевная песня, так она мне нравится, что сразу вскочу и лежать не захочется.

Можно и подсказывать научить. Брать с собой в школу, и чуть сбился или забыл что, он вовремя подскажет из-за пазухи так, что и не услышит никто. Нет, с этим вряд ли что выйдет, а так бы хорошо!

Вот и город. Длинная каменная стена, а у широких ворот столько людей толчется! Такую дрянь продают, что глядеть не хочется: горшки, старую обувь; один дед на тряпку кучку пуговиц выложил, другой гвозди, какие-то

железки. Дядя Василь тут не задерживается, пробирается за ворота. И тут уж торговля другая — колхозники кур понавезли и продают прямо с машины. Гвалт, крик, петухи поют, и куры кудахчут. Дядя Василь оборачивается и лукаво подмигивает мне: мол, не волнуйся, мы у цели, и будет тебе сейчас пода-рок!..

Заходим в небольшой закуток за лотками — голубей тут видимо-невидимо. Голубей продают дядьки, тётки и мальчишки. Но где же попугай? Попугаев я пока не вижу, одни щеглы и голуби со всех сторон.

Дядя хмуриться начал.

— Были нынче попугай? — спрашивает он у мужчины с чучелом ястреба.

— Кажется, были, — говорит тот.

— Неужели продали?

— Наверное, продали.

— Вот досада! — вздыхает дядя.

А мне как обидно!

— Да на что вам попугай, купите у меня ястреба, — говорит продавец.

— На что нам ястреб, если нам попугай нужен, — говорит дядя.

— Какой же это ястреб, — говорю, — раз это чучело.

— Зря болтать не будет, — говорит продавец, — и ухаживать за ним не надо.

Дядя Василь чешет в затылке.

Я грустно отворачиваюсь и молчу.

А мужчина всё тараторит всякую всячину про своего ястреба.

Дядя Василь спрашивает про попугаев у аккуратного старичка. Старичок говорит, попугаев сегодня не видел. Вообще он не любит попугаев. Никогда не любил. И любить не собирается, потому что соседский попугай всё время им интересуется.

Чем больше мы убеждаемся, что попугаев никто не продаёт, тем больше хочется купить попугая.

— Ох, жизнь! Зелёного попугая не купишь, — ворчит дядя Василь.

Мы всё слоняемся по базару — может, кто принесёт попугая? Но никто не несёт. Голубей полно, но на них даже смотреть не хочется. На колхозных машинах куры кудахчут.

Базар понемногу расходится, а мы с дядей всё толчёмся.

Уже нет ни старичка, ни дядьки с чучелом. Один только мальчик, мой ровесник, остался у лотка, и в руках у него клетка со щеглом.

И такой понурый этот мальчик, и щегол у него такой же понурый.

— Продаёшь, значит? — спрашивает дядя.

Взгляд у мальчика сразу потеплел, и он улыбнулся.

Дядя говорит:

— Ладно уж! Давай хоть щегла купи, не зря же на базар тащился.

Ну зачем мне щегол? Щегла я, что

ли, не видел! Но раз самому дяде так хочется, не обижать же доброго дядю. Щегла так щегла.

А мальчонка-то как обрадовался, весь засиял, глаза искрятся.

— Сам поймал! — говорит. — А как поёт!

— Знаем, как они поют, — говорит дядя. — Щегол всё-таки не попугай.

На улице и в автобусе все смотрят на нашего щегла. Все люди с покупками. Но ни у кого нет такой покупки, как у нас. Потому все разговоры про птиц. Дядя Василь опять заводит про попугаю и даже поёт скрипучим, как попугай, голосом: «Эх, солдатушки, бравы ребятушки!» Все весело смеются. А мне так хочется в эту минуту зелёного попугаю! Его ведь можно научить, ну, если не пионерской песне и не про Зиньку, то чему-нибудь другому весёлому.

Сходим с автобуса. Несём нашу клетку по очереди. В лесу птицы щебечут, щеглы поют, не умолкают. А наш молчит, как воды в рот набрал. Может, он безголосый?

— Давай проверим, поёт ли, — говорит дядя.

— Как проверим?

— А так! — И дядя решительно открывает дверцу, берёт щегла, подкидывает его вверх — лети! Щегол вспорхнул, скрылся в листьях, и сразу же оттуда раздалась его весёлая песня.

— А ты смотри, — радостно удивился дядя, — поёт, да ещё как хорошо!

А я как обрадовался, что щегол не безголосый! На душе стало радостно: поёт-таки!

И дядя стал рассказывать, какие и среди щеглов есть мастера, как они умеют передразнивать других птиц, поют их голосами.

И мне уже казалось, нет лучше того щегла, которого мы выпустили на волю.

Да и не нужно мне попугаю...

Николай Николаевич Жуков

Дорогие ребята!

Редакция журнала любезно предложила напечатать в этом номере мои рисунки о ребятах. А я хочу к этим рисункам сказать всем вам, что люблю и рисую ребят более четверти века и считаю, что мир ребят самый живой и интересный. Вы самый большой народ нашей земли — наше будущее; и потому нам, взрослым, хочется всегда делать для вас всё, что способствует вашему росту, развитию, радости. Я думаю (это знаю по себе), что рисование очень весёлое дело, только к нему надо запастись наблюдениями, любовью к жизни, так как вход в мир искусства из дверей жизни. Карандаши и краски помогут вам начать это радостное и полезное занятие.

Перевёл с украинского
В. ГОЛЯВКИН

Володя Ульянов в саду.

Северянин.

Прежде чем научиться рисовать, надо приучить себя смотреть и находить в разных явлениях жизни самое интересное. Вы, наверное, знаете, что смотрят все, а видят по-разному. Художники учатся наблюдать жизнь активно, смотрят энергично и потому умеют многому удивляться и своё удивление и свою радость выражать в карандаше и красках. И через их искусство зрители часто учатся видеть то, что они раньше

не замечали в жизни. Грачи прилетают весной каждый год, а художник Саврасов так сумел подсмотреть это радостное явление весны, что его картина стала любимой народом и её часто печатают во многих учебниках и книгах. Желаю вам, прежде чем взять карандаш, бумагу и краски, что-то подсмотреть в жизни интересное, чему-то обрадоваться и потом это нарисовать! Удачи всем вам!

Н. ЖУКОВ

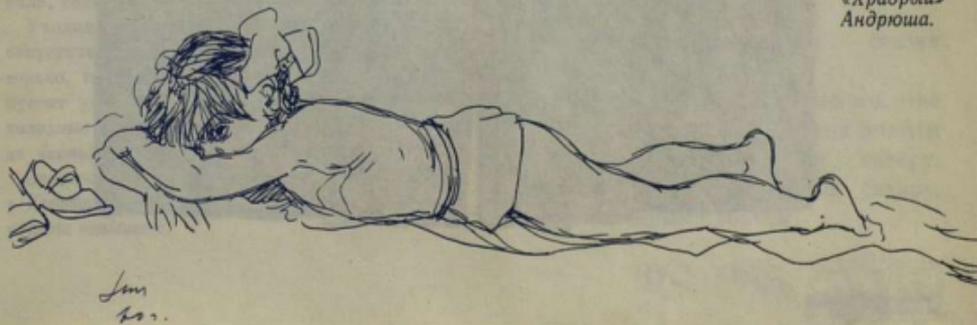
Солнышко.

Мама не даёт купаться.

«Храбрый»
Андрюша.

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

Волшебница! И не какал-нибудь заморская фея, у которой и дел-то — с пчёлками да с бабочками по цветам порхать. Своя, русская, работающая.

Родом с рудника, с Медной горы, — урочка. Потому и ведома ей все каменные премудрости. Знает Хозяйка, что в горе скрыто и какой узор затаил камень.

Мастерам — помощница, бездельникам — наказание.

Пустых слов Хозяйка не терпит, силу свою зазря показывать не станет. Строгая! Это сказочник Бажов про неё порассказал, а то бы и не знали ничего о Хозяйке Медной горы.

Она всё больше ящеркой оборачивается, в девическом облике редко кто её видел. Вот уж, говорят, красавица! Платье малахитовое, драгоценные камни лучшие, глаза зеленым-зелены, и лицом прекрасна.

Есть у Хозяйки заветный каменный сад. В том саду цветёт каменный цветок. Поглядишь на него — и откроется тебе душа камня. За погляденье Хозяйка оставляет мастеров в горё. Иной за работой забывался на долгие годы. Только всё же не на век! Какая же это красота, если она для одного тебя? Зачем тебе сила, если пользы людям от неё никакой?

Уходили мастера от Хозяйки. Ей, конечно, отпустить мастера, горячее сердце, и жалко, и горько, только силой никого не держала. Отпустит умельца к людям и проливает свои холодные слёзы. Подставит ладошку, а они кап да звень! Камешками оборачиваются.

Зеленым-зелены эти камешки, будто глаза у Хозяйки. Люди промек себя слёзы те изумрудами называют.

ВИШНЯ

Ю. КОВАЛЬ

Рис. В. ДУВИДОВА

Во дворе зоотехника Николая стояла лошадь, привязанная к забору. Здесь же, на заборе, висело снятое с неё седло. Николай и бригадир Фролов стояли рядом.

— Что случилось? — спросил я.

— Да вот, — кивнул Николай. — Погляди.

На боку лошади была рваная рана. Сильно текла кровь, капала в крапиву.

— Понимаешь, — стал объяснять мне Фролов. — Кто-то проволоку натянул между столбами колючую. А я на ферму гнал, спешил, не заметил — и вот зацепился.

— Надо замечать, — сказал Николай и подобрал ватой стекающую кровь, залил рану йодом.

— Да как же, Коля, — сказал Фролов. — Ведь я спешил, не видел проволоки этой.

— Надо было видеть, — сказал Николай.

Я стал шарить по карманам. Мне казалось, что где-то у меня должен был завалиться кусок сахару. И верно, нашёлся кусок сахару, облепленный табаком.

Николай приготовил уже иглу, шёлковую нитку и стал зашивать рану.

— Не могу, — сказал Фролов и отошёл в сторону. — Как по мне шьёт.

— Гонять лошадь он может, — сказал Николай, — а проволоку замечать он не может.

Лошадь, казалось, не чувствовала боли. Она стояла спокойно, но сахар братъ с руки не стала.

— Терпи, терпи, — сказал ей Николай. — Сейчас кончу.

Лошадь наклонила голову к крапиве. Она прикрывала глаза и чуть вздрагивала.

— Гонять лошадь он может, — сказал Николай. — А побережь её он не может.

Бригадир Фролов стоял в стороне и курил отвернувшись.

— Всё, — сказал Николай.

Лошадь поняла это. Она обернулась поглядеть, что там у неё на боку. Тут я и всучил ей кусок сахара. Она разгрызла его и стала обнюхивать моё плечо.

Фролов взял под мышку седло, отвязал лошадь и повёл её на конюшню. Он вёл её осторожно, то и дело оглядываясь, беспокоясь, чтоб не зацепилась она за что-нибудь раненым боком.

А она шла в поводу спокойно, раскачиваясь с каждым шагом. Очень крепкая на вид лошадь, особой масти — цвета спелой вишни. Её и звали Вишня.

Рис. В. ПЕРЦОВА

Переделкин и дятел

1. Пришёл Переделкин в берёзовую рощу. Слышит: стучит кто-то, как топором!

2. Подкрался и видит: сидит на берёзе дятел и долбит её изо всех сил. Только щепки летят!

3. «Кыш, вредная птица! — закричал Переделкин. — Носищем своим все деревья попортишь!» И запустил в дятла палкой.

4. Прогнал дятла, а не разглядел, что дятел сухую берёзу долбил. Очищал её от жуков, личинок и гусениц.

5. Перестал дятел в рощу летать. Развелись в роще гусеницы и объели на берёзах все листья. Расплодился короед, лубоеды и древооточцы. Стали берёзы болеть и сохнуть.

6. А Переделкин знай охраняет рощу от дятлов! Как дятла увидит, так палкой в него, а то из рогатки.

7. До тех пор охранял, пока и охранять стало нечего. Превратилась роща в сухой и валежник. Спихватился Переделкин, да поздно!..

ЗАГАДКА
Виктор МУСАТОВ

ПОДУМАЙ

Шёл с цветами новичок —
За плечами сундучок.
(хинээиэиновдэщ)

Посмотри на картинку
и ответь на такие вопросы:
Который час?

От кого убежала лисица?
Сколько здесь птиц,
кошек и собак?

Каким ключом рыцарь откроет дверь?

ОТГАДАЙ

ЗАГАДКА
Л. НИКОЛАЕНКО

Лапок нет
Ни одной.
Хвост льняной,
Приставной,
Одно ухо —
И то глухо.
(енглоИ)

*Рис. И. ГАЛАНИНА,
С. ДОНСКОЙ,
Г. ОГОРОДНИКОВА,
В. ТИЛЬМАНА*

На рогах
у какого
олени
сидит
птичка?

СТИХИ ДЖАННИ РОДАРИ

Если тебе хочется побывать в Италии, а билета на самолёт нет, вот мой совет: достань книжку итальянского поэта Джанни Родари, почитай его стихи. Поэт как бы возьмёт тебя за руку и поведёт по своей солнечной стране. Он покажет тебе её старинные города, вечно-зелёные рощи на берегу ласкового моря. Он познакомит тебя с твоими итальянскими сверстниками — шумливыми, озорными, охотниками на задорную песню, на острое словцо.

Но не всегда это путешествие будет радостным. Пьрой в стихах прозвучат грусть и боль. Почему? Да потому, что Италией правит не трудовой народ, а богачи. Им-то в их приморских дворцах живётся привольно. Не то рабочему человеку. Хорошо ещё, если у него

есть работа. Ты вот, наверное, и слова такого не знаешь: «безработица» — ведь в нашей стране работы всем хватает. А итальянский мальчишка испуганно вздрогнет, услышав это слово. Уж он-то знает, каково придётся его семье, если отец останется без работы.

Сейчас Джанни Родари побеседует с тобой. Я перевёл его новые стихи. И пусть эти стихи грустные, стихи о нелёгкой жизни трудового люда Италии. Родари для того и пишет о плохом, о несправедливом, чтобы всем честным итальянцам захотелось с этим покончить, захотелось завоевать для народа счастливую жизнь. Ведь Родари не просто поэт. Он поэт-коммунист.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ПОДАРОК

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

Смотрите —
На старом,
Трескучем моледе
Старик почтальон
Переулками едет.
— Что, друг, ты привёз нам
Сюда, на окраину?
— Рабочему Пьетро
Письмо от хозяина.
— У Пьетро сегодня
Как раз день рождения.
Владелец завода
Прислал поздравленья?
— О нет, не пришло ему
В голову это!
Стал Пьетро стареть —
Увольняет он Пьетро.

— Дружище,
Письмо отдавать погоди ты!
Ведь будут у Пьетро
Все горем убиты:
Он сам,
И жена,
И сынишка Днано,
Которому горе
Ещё незнакомо.
На почте снажи:
Не застал адресата —
Уехал, снажи,
Ненадолго нуда-то.
Не порти им праздник,
Весёлый и ярный, —
Успеет узнать
О хозяйском подарке!

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСНА

Является Весна
В рабоче предместье —
Красавица Весна
С теплом и светом вместе.

Явилась —
И глядит она в недоуменье:
Ну как здесь показать
Старанье и умение?

Ну что в зелёный цвет
Рядить в округе нашей?
Ни деревца тут нет,
Нет ни травинки даже.

Ну где ей щеголять
В цветных своих нарядах?
Ну где ей расселять
Птенцов своих крылатых?

И подсмуглить ребят
Ей тоже не придётся —
Резвятся и галдят
На дне двора-колодца.

Нигде тут, словом, ей
Заняты не находится...
Не только у людей
Бывает безработица.

Федя-Бредя
Съел медведя,
Упал в яму,
Крикнул маму:
«Ма-а-ма!»

Рутяле пасёт облака

А. ЖУКАУСКАС

Рис.
Л. ТОКМАКОВА

Собрались мальчики — шустрые, как воробьи. Пришли девочки — проворные, как белки. Советуются. Весна наступила, некогда играть, да бегать, да пугать воробьёв. Работать надо.

Сначала договорились о том, кто что будет делать.

— Я вскопаю грядку, — сказал Зигмукос. — А ты, Рутяле?

— Я — нет, — ответила Рутяле, — не могу. Земля набьётся в туфли.

— Я посажу цветок! — сказала Магдута. — А ты, Рутяле?

— Ещё чего! — фыркнула Рутяле. — Почернеет под ногтями. Как я покажусь на люди?

— Я посажу капусту, — решил Андриус, — выращу такой кочан — с копну! А ты?

— Сам ты кочан! — рассердилась Рутяле. — Капусту купить можно. За чем это мучиться с ней?

— Я буду выращивать лук, — сказала Марите. — А ты, Рутяле?

— Я — нет, — тряхнула головой Рутяле. — От лука глаза покраснеют. Будут, как крольчиха!

— Я посею морковь, — сказала Оунте. — А ты, Рутяле?

— Фу, — поморщилась Рутяле. — Морковь вырастет — мама есть заставит.

— Я буду сажать свёклу, — сказал Стасюкас. — А ты?

— А зачем мне её сажать? — удивилась Рутяле. — Я ведь борщ не люблю.

— Я побелю яблоньку, — сказал Виутас. — А ты?

— Белить яблоньку? — Рутяле даже отвернулась от него. — А если я платье запачкаю?

— Я принесу воды, полью, — вызвался Ионукас. — А ты, Рутяле?

— Тоже придумали мне — воду таскать! — надулась Рутяле. — Руки потрескаются, покраснеют, как раки... Нет, нет и нет!

Так ребята разделили все работы между собою. Все трудятся, хлопочут. А Рутяле стоит и глазами воробьёв стреляет.

— А что же ты? — спрашивают её.

— А что я? — отвечает Рутяле. — Я ничего. Для меня никакой работы нет.

— Ну, тогда паси облака, — засмеялись ребята. — Видишь, вон ходят как попало по небу!

Рутяле согласилась:

— Облака пасти могу. Работа чистая и нетрудная. Как раз для меня.

Наступило лето. Зацвели цветы, зазеленел лук, закудрявилась морковка, на яблоньках появились завязи... А капуста прямо с ума спятила, так и лезет из грядки! Всё прополото, присмотрено, окучено — любо-дорого посмотреть. Как же всему этому не расти, не цвести?

Приходят малыши — удивляются.

— Вот это работнички, вот это хозяева! Ай да молодцы!

А Рутяле на небесных пастбищах облака пасёт. Работа лёгкая, чистая. Не устанешь и рук не запачкаешь. Беда только, что похвастаться нечем, нечем людей порадовать и самой порадоваться нечему.

Случилось — пришла засуха. Облака ушли и скрылись куда-то. Цветы и овощи опустили головы, истомились от жажды, пали духом.

— А! Видите? — кричит Рутяле. — А ещё смеялись надо мной! Что будете делать без моих облаков?

Но вот вернулись облака, собрались

стадом, всё небо закрыли. И пошёл дождь, да такой сильный, такой свежий! Два дня и две ночи лил. Земля налилась, в саду и в огороде всё ожило, всё повеселело.

— Это мне скажите спасибо! — потребовала Рутяле.

Но ребята и не думают её благодарить.

— А за что?

Прошло лето, наступила осень. На огородах и в садах урожай — ого какой!

Пришло время урожай убирать. Кто несёт корзину с яблоками, кто кочан капусты, кто связку лука, кто пучок моркови, кто букет цветов...

А что же Рутяле нести? Облака не яблоки, их в кошелёку не положишь. Рутяле прикидывает и так и этак, а придумать ничего не может.

Но вот как-то, проснувшись утром, она выбежала во двор и видит: облака сыплют крупу, да так много этой крупы, что все поля побелели.

Рутяле обрадовалась, захлопала в ладоши:

— Наконец-то!

Она схватила сито, зачерпнула небесной крупы и побежала к ребятам.

Внесла в комнату, а сама — нос кверху:

— Вы видите, что за крупа? Она на моих облаках созрела. Все поля, словно ток, засыпаны.

— Ого-го! — дивятся ребята.

— Это ещё только начало, — хвастает Рутяле. — Всем крупы хватит. Берите, мне не жалко!

Она хочет девочкам насыпать крупы в передники, мальчикам в шапки.

Но где же крупа? Пошарила рукой, а сито пустое. Только вода между пальцами потекла.

— Ничего! Я сейчас ещё зачерпну и принесу.

И Рутяле трудится, Рутяле хлопочет. Выбежит, зачерпнёт полное сито небесной крупы. А вернётся — опять сито пустое, только вода течёт.

Ребята смеются, покатываются со смеху. Вот так урожай собрала Рутяле со своих облаков!

Не знаю, давно уже не видел её. Кажется, что Рутяле всё ещё пасёт облака, всё ещё черпает небесную крупу.

Но, может быть, она уже поумнела? Может, за настоящую работу взялась?

Перевела с литовского Л. ВОРОНКОВА

Р. БАУМВОЛЬ

СНОГШИБАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ПЕТИ ФЕДЬКИНА И ФЕДИ РЕДЬКИНА

— Прошлой весной в Ленинграде, — сказал Петя Федькин, — дул такой ветер, что весь транспорт выключил мотор и двигался при помощи ветра.

— Это что! — сказал Федя Редькин. — Прошлым летом в Киеве был такой зной, что асфальт на всех улицах растопился и потёк чёрной рекой, а все автобусы и троллейбусы пустились вплавать.

Петя Федькин сказал:

— Недавно у нас в школе выступал знаменитый тяжелоатлет, так он поднимал на вытянутых руках сначала по пуду. Потом по целой тонне... А прощаясь с нами во дворе, он поднял всю школу!

— Это что! — сказал Федя Редькин. — К нам в школу на днях пришли в гости космонавты. А когда они уходили, то один, получив в гардеробе пальто, поплыл с ним под потолок и стал там одеваться. Ребята, конечно, зашумели, захлопали в ладоши, а он спустился и говорит улыбаясь: «Это у меня по привычке к невесомости...»

— А я вчера одним духом взбежал к нам на шестой этаж, — сказал Петя Федькин, — и сердце у меня так громко стучало, что бабушка открыла мне дверь и сказала: «Ты почему и звонишь и стучишь?..»

— Это что! — сказал Федя Редькин. — Мне однажды приснились разбойники, так у меня до того стучало сердце, что прибежали соседи с криком, почему мы среди ночи гвозди заколачиваем...

— А у нас вчера молоко убежало, — сказал Петя Федькин, — так я его уже у ворот догнал и воротил...

— А у нас молоко село, — сказал Федя Редькин, — прихожу на кухню, а оно сидит, развалилась в старом бабушкином кресле.

— У нас пропали мамины часики. Наверное, их кошка проглотила, — сказал Петя Федькин.

— Вполне возможно! — сказал Федя Редькин. — Вот ведь у нас собака проглотила крошечный радиоприёмник. Приходим домой и даже испугались — собака поёт человеческим голосом: «Куда, куда вы удалились?..»

КИНОСТУДИЯ

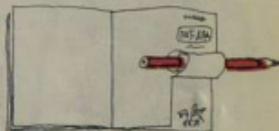

РАЗ-ДВА ФИЛЬМ

ПОКАЗЫВАЕТ
НОВЫЙ
ЦВЕТНОЙ
приключенческий
художественный фильм

„ПЕТА ВАТРУШКИН ИДЁТ К ЦЕЛИ“

2-я серия

Н. МЕРЕЖНИКОВ

ЗАГАДКА

Шло с поля мычало,
Несло на шее бренчало.

Вдруг навстречу ему
брехало!
Раскрыло своё кусало
и зарычало!

А мычало
Подняло махало,
Выставило бодало
и пошло на брехало.

А оно поджало виляло
и прочь побежало...

СЧИТАЛКА О РЫБАКЕ

В. КРИВОШЕЕВ

Повезло опять Егорке!
У реки сидит не зря:
Пять карасиков в ведёрке
И четыре пескаря.
Но смотрите — у ведёрка
Появился хитрый кот...
Сколько рыб домой Егорка
На уху нам принесёт?..

Рис.
В. СТАНИН-
СКОГО

ДЕВЯНОСТО ПЯТЬ ЕЖЕЙ

Тёмной ночью
В шалаше
При дожде
И громе

Девяносто пять ежей
Спали на соломе.

Все лежали у стены
И во сне
Смотрели сны.

Сорок шесть ежей
Видели во сне
Ужей,

Сорок восемь ежей —
Лягушат и мышей.

Лишь один
Последний ёж
На других был
Не похож.

Ему снилось в шалаше
При дожде
И громе,
Что он спит среди ежей
На гнилой соломе.

УВЛЕКСЯ

Один мальчик во время диктанта написал на промокашке своему соседу:

А сосед так увлёкся, что списал и эту фразу. Он очень удивился, когда увидал в тетради двойку. За что? Ведь в диктанте не было ошибок!

КАК МУРЗИЛКА „БОЛЬНОГО“ ВЫЛЕЧИЛ.

Рис. А. ЦВЕТКОВА

Цена 10 коп.

Редактор А. МИТЯЕВ

Редакция: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронцова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казанов, М. Коршунов, Ю. Молоканов, И. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачев, В. Чинников.

Художественный редактор А. Семёнов.
Технический редактор В. Агеева.

Год издания сорок седьмой

Сдано в набор 13/IV 1970 г. Подписано и печатно 28/IV 1970 г. Формат 84×108¹/₂. Печ. л. 2 (усл. 3,36), 3/4-изд. л. 4. Тираж 5 750 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 485.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Суцёвская, 21. Телефон 250-45-00.

Индекс 70553